

Д. И. Писарев

Д. И. Писарев. Пушкин и Белинский.
Москва--Петроград, Государственное издательство, 1923
[OCR Бычков М.Н.](#)

I.

Рассматривать Дмитрия Ивановича Писарева, как *готового* публициста или критика, как выразителя целостного, законченного мирозерцания, и предъявлять к нему соответствующие требования -- значит обрекать себя на непонимание и на несправедливое, *не историческое* отношение к нему.

При подобном трактовании, естественно выдвинутся на первый план запальчивость и односторонность многих его утверждений, бросятся в глаза противоречия, в которые впадала его юношески-прямолинейная, горевшая вечным воодушевлением мысль,-- словом, все известные, столько раз отмечавшиеся *ошибки* Писарева...

И что мудреного?-- Он выступил со своей проповедью 19-летним юнцем -- в эпоху грандиозного перелома в жизни России,-- в эпоху, когда русское общество, а тем более передовая интеллигенция -- вообразили себя призванными, наконец, к историческому творчеству, после томительных десятилетий вынужденного бездействия, когда все кипело умственно, подобно воде в котле, над которым приподняли крышку... И при этом, только каких-нибудь полтора года после 19 февраля 1861 г. ему пришлось провести на воле: со 2 июля 1862 г. он уже в Алексеевском равелине Петропавловской, крепости, и здесь, в течение почти пятилетнего заключения, пишет все лучшее, все типично *Писаревское*, что вышло из-под его пера... Он изолирован от окружающей жизни, защищен крепостными стенами от тех "отрезвляющих", охлаждающих пыл фактов и событий, которые так быстро излечили от розовых надежд, например, Помяловского; он продолжает жить и мыслить, как бы наэлектризованный начальным моментом *эпохи великих надежд*,-- как теперь, при исторически-объективной оглядке, должны быть названы 60 годы прошлого века... Его смелая, свободолюбивая мысль предоставлена *самой себе*, остается без проверки, без усложняющих и обогащающих влияний живой среды, пестрой реальной действительности...

Если принять во внимание подобную обстановку литературного труда Писарева, придется, пожалуй, удивляться не его ошибкам и увлечениям, а той сдержанной осторожности, которую он проявил в отношении наиболее кардинальных, наиболее существенных вопросов нашей жизни; придется отметить всю неподкупную трезвость его ума, которая -- будь ему суждено жить и писать далее и на воле -- создала бы из него, я в этом не сомневаюсь, одного из наиболее ценных наших публицистов-демократов. Мы увидим ниже, как он в постановке многих из этих кардинальных вопросов отличался в выгодную сторону от своих предшественников, сверстников, а отчасти и преемников, будучи совершенно чужд всякой социальной романтики и утопизма... Но судьба, столь щедро одарившая его литературным талантом и пламенной энергией мысли, скупой -- до ужаса -- отмерила ему срок его творческой работы: по выходе из крепости он перенес душевную болезнь, а затем, через 1 1/2 года, умер... Значит,-- всего каких-нибудь 8--9 лет сознательной духовной жизни, и из них 5 лет в одиночной камере!..

Некрасов, умевший так любить и ценить всех подвижников русской общественной мысли, подчеркнул чистоту и юношескую некристаллизованность духовного облика Писарева:

Хорошо умереть молодым!
Беспощадная пошлость ни тени
Положить не успела на нем...

А о богатых возможностях, заложенных в Писареве, о тех надеждах, которые можно и должно было на него возлагать, но которые унесла с собою смерть, Некрасов высказался с полной уверенностью в столь часто цитируемой строфе, заканчивающей это посвященное Писареву стихотворение:

Русский гений издавна венчает